

РОЖДЕНИЕ СУБЪЕКТА. Наброски мифологической субъективности

Р.А. Счастливец

Аннотация. В статье анализируется процесс возникновения субъекта и субъективности в мифологической среде как первичной среде культуры. Формирование мифологической субъективности представлено как взаимодействие нарративных, символических и семиотических аспектов человеческой природы задолго до образования представления о личности и Я как основы субъективности в новое время.

Ключевые слова: субъект, субъективность, миф, мифология.

Для цитирования: Счастливец Р.А. Рождение субъекта. Наброски мифологической субъективности // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 288–292. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-288-292

THE BIRTH OF THE SUBJECT. Sketches of Mythological Subjectivity

R.A. Shchastyantsev

Abstract. The article analyzes the process of subject and subjectivity emergence in the world of mythology as the primary environment of culture. The formation of mythological subjectivity is presented as the interaction of narrative, symbolic and semiotic aspects of human nature long before the formation of the concept of the individual and the self as the basis of subjectivity in the New Age.

Keywords: subject, subjectivity, myth, mythology.

Cite as: Shchastyantsev R.A. The Birth of the Subject. Sketches of Mythological Subjectivity. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 2, part 2, pp. 288–292. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-288-292

Ответ на вопрос, что такое субъективность, восходит к понятию «субъект». Субъект может иметь генетически-эволюционную или медиальную природу, в рамках которой субъективность может рассматриваться как среда или набор средовых (медиальных) признаков или параметров, значения которых могут изменяться. Животное вполне может наделяться субъективностью, параметры которой количественно ниже, чем у человека. Даже неоду-

© Счастливец Р.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

шевленный предмет или явление при определенном подходе можно наделять ненулевой субъективностью. Мифология как мировоззрение как раз и была построена на этом фундаментальном принципе: все в природе наделялось свойством субъективности.

Ответ на вопрос «Как человек стал субъектом?» заключен в природе мифологической субъективности. По сути, мифология и стала явлением (феноменом) субъективности. Все остальное (религию, философию, литературу, мораль, право, политику), то, что мы называем культурой, можно считать некоторым «дополнением к субъекту» [1].

Мифологическая медиальная субъективность относится не только собственно к лективу (преимущественно) или людям (в меньшей степени), но и к объектам, миру в целом. В процессе ее функционирования можно наблюдать субъективацию объективного мира. Этот процесс представляется более широким, чем известная всеобщая антропоморфизация, или одушевление. Принципиальная мифологическая медиальная неразличимость объекта и субъекта основывается на действительной абсолютной (не относительной) невозможности такого различения. И это мифология «честно признает» в отличие от естественной (научной) установки нового времени, которая полагается как основоположение последнего (см. критику естественной установки и забвения жизненного мира феноменов в научном мировоззрении нового времени у Э. Гуссерля в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии») [2].

Отголоски мифологической субъективации объективного мира видятся в лингвистическом и логическом учении о структуре предложения (суждения). Субъект высказывания — это тот, кто действует (действовать может только живое существо) и о ком говорится в предложении. При этом неявно предполагается присутствие субъекта: не только автора высказывания, но и абсолютного наблюдателя. Кроме того, субъект предстает и как подлежащее, т. е. субстанция, всеобщее основание бытия и мышления. Такой многослойный мир субъектности можно рассматривать как полноценную среду, среду обитания, существования, что и делал носитель мифологической субъективности, не только изучая ее, но просто существуя в этой среде. Субъект же мировоззрения нового времени пытается всеми способами устранить, скрыть, спрятать свою субъективность, чтобы объективировать мир, природу, тем самым усмиряя, умертвляя, покоряя ее, делаясь ее господином [там же].

Можно сказать, что в первичном мифологическом мировоззрении происходит формирование среды феноменов (по Э. Гуссерлю), т. е. среды культуры — субъективности, содержащей объективность как коррелят, имманентного, содержащего в себе трансцендентное через трансцендентальное. Феномен представляет собой одновременно посредника и опосредование, явление или институт культуры как выражение социальности, сочетание институции (социальности), смысла (от знака и понятия к образу), совокупность вложенных друг в друга форм-опосредований объекта, которые создает субъект как часть себя из себя, как продолжение себя в объекте, т. е. в том, что им (субъектом) не является.

Примером феномена как медиальной формы можно считать «культурного героя». Для античной культуры и мифологического мировоззрения герой — это полубог, ребенок от брака бога и человека, выдающийся сверхчеловек с выдающимися способностями и одновременно персонаж мифа-рассказа.

Мифология в связи с этим может рассматриваться как средовая медиальная субъективность, проявляющаяся в нарративной среде конкурирующих вариантов рассказов, первичная способность суждения как первичная анонимная нарративность, тождественная обыденному сознанию (реализующаяся, например, в таком феномене, как слухи). Она может

трактоваться и как трансцендентализм первичной нарративной субъективности, чистое нерелексивное отражение реальности, тождественное (неразличимое) самой реальности на уровне бессознательного. Первичный и безличный рассказ (нарратив) от третьего лица подразумевает одновременно абсолютное все-присутствие наблюдателя-рассказчика-субъекта и его фундаментальное отсутствие (описание происхождения мира до существования субъекта). Нарратив подражает структуре времени, последовательности событий. Миф максимально нарративен и безвременен, он борется со временем с помощью нарратива, пытается нарративно уничтожить время. Одновременно это попытка устранить личностное начало, временность субъекта. Поэтому миф — это всегда рассказ от третьего, по сути, безличного, отсутствующего лица. Лицо рассказчика, его Я (первое лицо) появляется в новое время, когда вместе с личностью культура обретает темпоральность, а сама личность, отрываясь от коллективного сознания (бессознательного), теряет мифологическое бессмертие. В самом безличном и безвременном мифологическом нарративе (рассказ от третьего лица) уже содержится трансцендентальная позиция. Эта позиция объективизма — субъективизма — основа мифологического мировоззрения: уверенность во всеобщей одушевленности мира, все-присутствии сознания — субъективности (но не конкретного субъекта), тождества объективного и субъективного, поскольку субъективность не снаружи как наблюдатель, но внутри мира как его сущность. Поэтому в нарративе (прежде всего, мифологическом нарративе) никогда не возникает и не возникает вопрос: как мог присутствовать автор при соответствующих событиях? Никто и не присутствовал. Сам рассказ (обряд, образ, представление) и есть это событие (в христианстве это воплощается в центральном обряде евхаристии или центральном событии всего христианского мировоззрения — Пасхе, в которых Христос присутствует непосредственно). Миф представляет собой, таким образом, не только и не столько отражение первичной мифологической неразделенности со-бытия и рассказа (бытия и его отражения), но и есть сама эта неразделенность. И эта фундаментальная черта мифа присутствует в нем всегда (миф вчера, сегодня и завтра), т. к. миф — это и есть реальность [3].

В мифологии человек еще не отделен от мира как субъект от объекта, следовательно, не является еще полноценным субъектом, а мир объектом. Только с развитием рефлексии, самосознания происходит этот двойственный процесс. Но скрыто рефлексия уже происходит в коллективном мифологическом мышлении, конституируя ткань мировоззрения, а значит, и мир и субъекта (преимущественно коллективного). В мифологии природа в процессе одушевления сливается с социумом, т. е. принимает часть субъективности, становится переходной формой к более четкому различению субъекта и объекта в более поздних формах философского и научного мировоззрения. Но этот процесс одновременной объективации и субъективации не может быть завершен, т. к. цель его — абсолютный совершенный субъект (и объект) не может быть достигнута.

Медиаальная субъективность мифологического сознания или первичная мифологическая субъективность проявляется в том, что человек еще не стал личностью, его личностное начало растворено в природном и социальном, которые для него плохо различимы, но доминирует последнее. При этом природа уже активно превращается в культуру, наполняясь пронизывающей мифологию символичностью, которая может рассматриваться в качестве духовной энергии мифа и культуры в целом [4].

В рамках мифологии формируется своеобразная «повседневная субъективность», представляющая собой «смесь» естественной и сверхъестественной установок.

Мифологический субъект практически растворен в социальной среде, которая является первичной почвой субъективности. Феномен «социальной среды» можно обнаружить уже в животном мире. Но у животных отсутствует такая психическая способность как воображение, составляющая порождающую основу первичной мифологической субъективности, дающей внутреннему миру образное (мифологическое) выражение. Слияние в человеческой природе социальной и мифологической сред порождает субъекта.

В мифе, таким образом, рождается субъект, поскольку основное свойство субъекта — творчество. Миф и был первым творческим актом, но носил он преимущественно коллективный характер. Однако, следуя самой природе творчества, которая имеет характер индивидуальный, можно утверждать, что сами «тексты», сюжеты мифов создавались отдельными людьми-рассказчиками, наделенными особыми нарративными способностями. Параллельно подобное же положение складывается с первобытной наскальной живописью. Совершенно очевидно, что изображения в пещерах Альтамира и Ласко созданы профессиональными первобытными художниками. Это следует из художественно-эстетического анализа конкретных изображений. Следовательно, возможно предположить, что существовали и профессиональные рассказчики мифов. Однако социальная функция как мифа-рассказа, так и изображения в этот период существенным образом отличается от современной: эстетическая составляющая, доминирующая в искусстве сегодня, явно отходит на второй план в «произведениях» мифологии.

Здесь нас ожидают, правда, существенные трудности. В отличие от наскальной первобытной живописи исходные мифологические тексты не даны нам. До нас они дошли в значительно преобразованном фольклорном виде. Исследователям приходится их реконструировать. И тут возникает важная проблема: возможно ли существование первичных мифов или при изучении мифологии (фольклора), и, следовательно, возможна ли адекватная их реконструкция. Или фольклорно-мифологическую традицию надо брать целиком как результат коллективного творчества вместе со всеми изменениями и дополнениями, произошедшими в ходе становления традиции.

Субъект рождается, как только в психике гоминидов (скорее, это были уже сапиенсы) забрезжило сознание. Одновременно появляется и объект как то, на что можно воздействовать, что можно изменять, трансформировать, обладающее независимыми от субъекта свойствами. Возникает и такой объект, как сам субъект, но только не индивидуальный, а коллективный, родовой, общинный, что конкретно и было выражено в мифологии и ранних формах религии. Этот непонятный во многом для нас сейчас коллективный субъект живет к каждому из нас, плотно заглушенный всей новоевропейской философской традицией от Р. Декарта до Ж.-П. Сартра, отождествившей субъекта с Я [5, с. 12–16; 6, с. 123–141]. Индивидуальный субъект тоже появляется в мифологии в образах богов и героев, действующих лиц, персонажей мифа, предания, рассказа о прошлом мифологическом времени. В настоящем героев еще быть не может. Изначальная мифологическая субъективность порождает просто среду, смесь субъективности и объективности, выражавшейся в всеобщем одушевлении мира. При этом формируется культура, прежде всего, язык, т. е. система самовыражения субъективности, например, в способности суждения, в самой синтаксической структуре предложения-высказывания. То, что солнце светит, дождь идет, а ветер дует, проявляется не только одушевление природы, но и действие субъектно-предикативной структуры суждения, в рамках которой субъект — это не только тот, кто совершает действие, но и тот, о ком

(или о чем говорится), и тот, кто говорит об этом, кто видел, знает это. Все эти модусы субъекта объединяются, в том числе эмпатией и пониманием, т. е. фундаментальной способностью стать на место другого (не только человека, но и любого предмета или явления природы). Эта способность тоже восходит к мифологической субъективности.

Таким образом, субъект, субъективность рождается в медиальности мифа. Первичную субъективность можно трактовать как коллективную, медиальную субъективность, исходную почву, среду, в которой впоследствии произрастают, приобретая свои специфические конфигурации, все формы культуры и сама индивидуальная субъективность, которую мы называем личностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декомб, В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от первого лица / пер. с фр. М. Голавановской. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 558 с.
2. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
3. Барт, Р. Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
5. Колесников, А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 10–25.
6. Микешина, Л.А. Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

REFERENCES

1. Descombes, V. *Dopolnenie k subektu: issledovanie fenomena dejstviya ot pervogo lica* [Addition to the Subject: A Study of the Phenomenon of Action in the First Person]. Moscow, 2011, 558 p. (in Russ.)
2. Husserl, E. *Krizis evropejskih nauk i transcendentalnaya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. St. Petersburg, 2004, 400 p. (in Russ.)
3. Barthes, R. *Mifologii* [Mythology]. Moscow, 1996, 312 p. (in Russ.)
4. Cassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2: Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms, vol. 2: Mythological Thinking]. Moscow, St. Petersburg, 2002, 280 p. (in Russ.)
5. Kolesnikov, A.S. Stanovlenie problemy subekta: ot Dekarta do sovremennoj filosofii [The Formation of the Problem of the Subject: From Descartes to Modern Philosophy]. In: *Formy subektivnosti v filosofskoj kulture XX veka* [Forms of Subjectivity in the Philosophical Culture of the XX Century]. St. Petersburg, 2000, pp. 10–25. (in Russ.)
6. Mikeshina, L.A. *Filosofiya poznaniya: polemicheskie glavy* [Philosophy of Knowledge: Polemical Chapters]. Moscow, Progress-Tradiciya, 2002, 624 p. (in Russ.)

Счастливец Роман Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Московский педагогический государственный университет, r.schast1@gmail.com

Roman A. Shchastyantsev, PhD in Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Moscow Pedagogical State University, r.schast1@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.11.2023. Принята к публикации 26.01.2024

The paper was submitted 24.11.2023. Accepted for publication 26.01.2024